

18+

СЕГА САШИН

18+

ТОЛЬКО
ПЕПЕЛ
ЗНАЕТ

ПРАВДА СПРЯТАНА В ПЕПЛЕ.
СПРАВЕДЛИВОСТЬ — В ЕЕ РУКАХ.

Сева Сашин

Только пепел знает.

**Эротический детективный
триллер с элементами
психологической драмы и нуара**

<https://litres.ru/74218588>

ISBN 9785007035651

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Она узнала смерть по запаху жасмина».

Пять лет назад следователь Алёна Соболева нашла сестру мёртвой. В лёгких — вулканический пепел. Дело закрыли. Теперь то же убийство повторилось на Камчатке. Алёна теряет всё ради правды, но каждый ответ — ловушка. За серийными смертями стоит генерал СК, химическое оружие «Пепел» и та, кого называют Ледяной Девой. Эротический детективный триллер 18+.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

18+	5
ПРОЛОГ. Та, которая пахла жасмином	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕПЕЛ НАД БУХТОЙ	13
Глава 1. Пирс	13
Глава 2. Девушка из лаборатории	20
Глава 3. Костя, который видел мать	24
Глава 4. Вера перед смертью	28
Глава 5. Сёстры	31
Глава 6. Карта Веры	34
Глава 7. Кабинет 407	40
Глава 8. Архив мёртвых проб	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Только пепел знает
Эротический детективный
триллер с элементами
психологической
драмы и нуара**

Сега Сашин

Дизайнер обложки Сергей Юрьевич Гурьянов

© Сега Сашин, 2026

© Сергей Юрьевич Гурьянов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3565-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

18+

Текст содержит нецензурную лексику, сцены жестокости, детальное описание смерти, откровенные сексуальные сцены, а также темы утраты контроля над телом (в том числе под воздействием химического вещества) и психологической травмы. Сюжет использует приём совпадений (героиня приезжает туда, где только что произошло преступление) как неотъемлемую часть детективного жанра.

Если вы не достигли 18 лет или вас могут задеть указанные темы (особенно ПТСР, панические атаки, насильственный контроль), пожалуйста, воздержитесь от чтения. Автор не пропагандирует насилие, наркотики или агрессию. Данные элементы служат исключительно сюжетными инструментами в рамках жанра «эротический детективный триллер». Все персонажи, события, географические названия и организации, упомянутые в романе, являются вымышленными. Любые совпадения с реально существующими людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями и организациями — случайны.

ПРОЛОГ. Та, которая пахла жасмином

Москва, пять лет назад. 15 марта, 08:23

Субботнее утро в Москве было серым, как старый бетонный забор. За окном квартиры на восьмом этаже мельтешил снег — не первый мартовский снег, а тот, который уже не радует, потому что все устали от зимы. Снежинки были крупными, мокрыми, они бились в стекло и стекали вниз грязными разводами.

Алёна поднялась по лестнице пешком — лифт сломался ещё вчера, и дворник обещал починить только к вечеру. В руках она держала бумажный пакет с круассанами и два стакана американо — себе и Вере. Пахло от пакета свежей выпечкой, кофе и немножко сгоревшим сахаром — бариста в кофейне у дома сегодня была не в духе.

Дверь в квартиру Веры была не заперта.

Алёна толкнула плечом, вошла в прихожую. Повесила ключи на крючок — Верин ключ уже висел, как всегда. Скинула ботинки. Простыня на полу у порога была смята — Алёна подумала, что сестра просто не убралась, Вера всегда была неряхой.

Запах в прихожей ударил в нос — плотный, сладковатый, терпкий.

«Тёмный мускус и жасмин».

Флакон духов стоял на тумбочке, почти полный — тёмное стекло, золотая крышечка в виде лилии. Вера не экономила, она просто знала, что этот аромат сняли с производства, и тянула удовольствие. Как ребёнок, который не хочет доедать последнюю конфету. Алёна помнила, как Вера впервые купила эти духи — в маленьком парфюмерном магазине на Тверской, за полцены, потому что скидка была «только сегодня». Вера тогда сказала: «Понюхай, Аля, это пахнет морем и смертью одновременно». Алёна не поняла. Тогда.

Она прошла в гостиную. Половицы скрипели под ногами — одна, вторая, третья. Старый паркет, который Вера так и не заменила, потому что «он помнит бабушку». В гостиной было сумрачно — шторы задёрнуты, только тонкая полоска света пробивалась между тканью и подоконником. На столе — открытая книга, закладка на середине, остывшая кружка зелёного чая. Жизнь оборвалась посреди предложения.

Алёна повернула в спальню.

Дверь была приоткрыта. Она толкнула её, и та бесшумно отворилась.

Воздух в спальне был тяжёлым, спёртым, с привкусом металла и жасмина — тот самый запах, только усиленный, почти осязаемый. Простыни сброшены на пол — белый хлопок, смятый, в мелких складках, как будто кто-то метался перед смертью. Подушки разбросаны — одна у изголовья, вторая на полу у стены, третья забилась под кровать.

Вера лежала на спине, раскинув руки. Белая футболка задралась до груди, открывая бледный живот с тонкой линией волос от пупка вниз. Волосы разметались по подушке — тёмные, влажные, спутанные. Глаза открыты — серые, с мелкой рябью, как асфальт после дождя. Рот приоткрыт — чуть-чуть, будто она хотела что-то сказать, но не успела. Пальцы рук сведены судорогой — неестественно, страшно, как у куклы, у которой выдернули нитки.

На шее не было ни следа. Ни синяка, ни царапины. Только бледная, почти прозрачная кожа, такая же, как у фарфоровой куклы, которая стояла на полке у бабушки.

Алёна опустилась на колени. Пакет с круассанами упал на пол, стаканы с кофе опрокинулись — коричневая лужица растеклась по паркету, смешиваясь с пылью. Она не заметила.

Она взяла Веру за руку.

Ладонь была ещё тёплой — не холодной, как у мёртвой, а просто прохладной, как у человека, который заснул у открытого окна. Алёна провела пальцами по Вериним пальцам — длинные, тонкие, с обкусанными ногтями (она всё грызла, даже когда обещала бросить). Нашупала пульс.

Ничего.

Тишина в квартире стала другой — не просто тихой, а вакуумной, как будто воздух убрали, и осталась только пустота. Алёна слышала только своё сердце — слишком громко, слишком панически, как будто оно пыталось выпрыгнуть из

грудной клетки и убежать.

Она вызвала наряд. Пальцы дрожали, когда она набирала номер, но голос был ровным, чужим, как будто не она говорила, а кто-то другой.

Потом приехали эксперты.

Они работали молча, быстро, привычно. Белые комбинезоны, голубые перчатки, пластиковые контейнеры для проб. Алёна встала у стены, скрестила руки на груди. Смотрела на Веру — и видела не сестру, а объект. Это был защитный механизм, который вырабатывается у следователей после двадцатого трупа. Но он не работал.

— Причина смерти? — спросила она. Голос был чужим.

— Предварительно — удушение. — Эксперт не поднимал головы. Он возился с пробой из лёгких, набирал жидкость в пробирку — сероватую, мутную, не похожую на обычную лимфу. — Но странное. На шее нет следов. Ни синяков, ни царапин. Зато в лёгких — посторонний материал.

— Какой?

— Вулканический пепел. Анализ изотопов покажет точнее, но, судя по составу, это Камчатка. Вулкан Мутновский.

Алёна отвернулась к окну.

За стеклом был всё тот же серый март. Снег падал теперь крупнее, хлопьями. Дворник в оранжевом жилете методично сгребал его в кучи. Женщина с коляской медленно шла к подъезду. Никто не знал, что здесь, в квартире на восьмом этаже, только что умерла женщина с пеплом в лёгких.

До Камчатки от Москвы — восемь часов лёту. Вера никогда там не была. Алёна знала всё о сестре — каждый шаг, каждого любовника, каждую сигарету, выкуренную тайком. И точно знала: Вера не летала на Камчатку. От слова «со-всем».

Она подошла к телу ещё раз. Эксперт уже закончил, накрыл Веру простынёй — белой, казённой, с маркировкой морга. Алёна отодвинула край, посмотрела в лицо сестры.

Спокойное. Почти умиротворённое. Как будто она заснула и не хотела просыпаться.

И тут запах ударил снова — но теперь он был другим. Резче. Почти агрессивным. «Тёмный мускус и жасмин» смешался с чем-то ещё — с потом, с металлом, со смертью.

Алёна вдохнула — и мир качнулся.

Тело отреагировало раньше, чем разум. Мурашки побежали по рукам — от запястий до плеч, холодные, острые. Сердце пропустило удар — потом забилось чаще, как у загнанной лошади. Низ живота сжался в тугую, болезненный узел — как перед первым поцелуем, как перед прыжком в пропасть. Она почувствовала, как кровь прилила к щекам, как расширились зрачки — в зеркале напротив она увидела себя, бледную, с огромными глазами, с приоткрытым ртом. Дыхание сбилось — не от горя, а от чего-то другого, запретного, стыдного.

Она отшатнулась. Вжалась спиной в стену. Обои были холодными, пупырчатыми, в мелкий цветочек — Вера выби-

рала их сама.

— Что с вами? — спросил эксперт, заметив её бледность.

— Ничего. Голова закружилась.

Она врала. Это не голова. Это тело предавало её. Реагировало на запах мёртвой сестры так, как реагируют только на запах любовника.

Алёна вышла в коридор. Села на корточки. Прислонилась лбом к холодной стене. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Считала про себя до десяти — как учили на курсах выживания. Раз — выдох. Два — вдох. Три — мурашки уходят. Четыре — сердце замедляется.

Через минуту всё прошло. Осталось только отвращение к себе — липкое, мерзкое, как пот после кошмара.

Дело закрыли через две недели.

Официальная версия: сердечная недостаточность, осложнённая аллергической реакцией на неизвестный раздражитель. Пепел — необъяснимая случайность. «Случайность», — подчеркнул начальник, глядя на Алёну поверх очков. — «Не тяни, Соболева. Закрывай».

Алёна пришла к нему в кабинет на следующий день после закрытия. Положила удостоверение на стол — красную книжечку с гербом, потёртую на углах.

— Я ухожу.

— Иди, — ответил тот, не поднимая глаз от монитора. Экран отражался в его очках — белое пятно, без слов. — И не возвращайся.

Она не знала тогда, что её перевод на Камчатку был подписан за месяц до смерти Веры. Она не знала, что начальник получил прямой звонок из кабинета №407 на Новом Арбате — после звонка он пил корвалол и молчал три часа, а секретарша боялась заходить. И она не знала, что человек, который убил её сестру, все эти пять лет спокойно пил кофе по утрам и читал сводки происшествий.

Но знала другое: запах жасмина, смешанный со смертью, отныне будет преследовать её везде.

В гостиницах, где горничные используют дешёвый освежитель воздуха с ноткой жасмина. В парфюмерных магазинах, где она случайно нажимает на пробник, чтобы вспомнить — и каждый раз вздрагивает. В снах, где Вера улыбается и протягивает ей ракушку — «Смотри, Аля, внутри жемчужина!».

Алёна будет просыпаться в холодном поту, сжимая простыню так, что ногти въедаются в ткань. Будет чувствовать, как тело горит — и ненавидеть себя за это.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕПЕЛ НАД БУХТОЙ

Глава 1. Пирс

Петропавловск-Камчатский, настоящее время. 12 ноября,
07:47

Воздух на Камчатке пах так, будто кто-то смешал серу, рыбу и мороз в одном блендере и забыл выключить. Запах был плотным, осязаемым — он оседал на одежде, на волосах, на языке. Алёна уже привыкла к нему за те несколько раз, что прилетала сюда по делам, но сегодня он казался особенно резким — или это просто нервы обостряли всё.

Она стояла на пирсе Авачинской бухты, вжавшись в воротник куртки. Ветер дул с океана — не сильный, но злой, пронизывающий до костей. Он пах солью, водорослями и чем-то ещё — чем-то сладковатым, что никак не вязалось с этим холодным краем. Где-то за спиной кричали чайки — надрывно, требовательно, как будто требовали ответа на вопрос, которого никто не знал.

Пирс был старым, ещё советским. Доски прогнулись под ногами, кое-где торчали ржавые гвозди. Перила шатались — на них висела табличка «Осторожно, скользко», написанная

от руки синим маркером, уже выцветшим на солнце. Вода в бухте была тёмной, маслянистой, с редкими белыми барашками — начинался прилив. Где-то далеко, у горизонта, маячили силуэты краболовных судов.

Два вулкана дымили на горизонте — Корякский и Авачинский. Они выглядели как две огромные сигареты, которые курит сам бог, и бог этот явно страдал хроническим бронхитом. Из кратеров поднимался дым — серый, густой, он поднимался вертикально вверх, пока не упирался в низкие тучи, а потом смешивался с ними и падал обратно на землю мелкими частицами пепла. Алёна чувствовала их на лице — крошечные, почти невесомые, они царапали кожу, забивались в глаза, оседали на губах.

Она прилетела вчера вечером.

Самолёт шёл на посадку через тучи, и в иллюминаторы было видно только темноту — ни огней, ни звёзд. Трясло так, что стюардессы сели на свои места и молились. Алёна не молилась. Она смотрела в черноту и думала о Вере.

Потом под крылом зажглись огни Петропавловска — редкие, тусклые, они рассыпались по склону сопки, как блёстки на старом платье. Самолёт коснулся полосы, и из динамиков раздалось запоздалое: «Уважаемые пассажиры, мы рады приветствовать вас на Камчатке. Температура за бортом минус двенадцать, ветер северо-восточный. Будьте осторожны на улице».

Алёна не была рада.

Должность, которую ей предложили — старший консультант при камчатском управлении СК — была ссылкой. Прикрытой красивым словом «повышение», но ссылкой. Никто не повышает человека, которого уволили «за систематическое нарушение процедур», если за этим не стоит чья-то воля. Начальник, который подписывал её перевод, даже не посмотрел ей в глаза. Протянул бумаги через стол, сказал: «Вас там ждут», и уставился в монитор. Алёна тогда подумала: «Ждут не меня. Ждут того, кто заткнётся».

Но она не умела затыкаться. И согласилась не потому, что был выбор. А потому, что здесь, в этом городе меж двух вулканов, она могла продолжить расследование. Здесь было ближе к пеплу. А пепел — это единственная ниточка, которая вела к убийце.

Она уже не работала в СК. Формально — да, числилась консультантом. На деле — её выгнали. Настоящая причина: она копала слишком глубоко и слишком громко. Копала в сторону кабинета №407 на Новом Арбате, хотя тогда ещё не знала, кто там сидит. Начальник сказал: «Или ты закрываешь дело, или закрываешь удостоверение». Она выбрала удостоверение. Вернее, не выбрала — её выбрали.

На бумаге её нынешний статус звучал аккуратно: «приглашённый консультант при межрегиональной группе Ветрова». Юридически — почти никто. Достаточно близко к делу, чтобы таскать папки, нюхать трупы и задавать неудобные вопросы; достаточно далеко от полномочий, чтобы в случае

провала её можно было списать первой. Алёна это понимала. Её это устраивало меньше, чем хотелось признавать.

Но у неё остались связи. Старые коллеги, которые помогали под шумок. Криминалист из Новосибирска, который подсовывал ей копии экспертиз. Судмедэксперт из Хабаровска, который не побоялся перепроверить анализ пепла. И остался Глеб — единственный, кто не отвернулся.

Глеб Ветров, начальник камчатского уголовного розыска, стоял в пяти метрах от неё, когда она вышла на пирс. Он курил — дым от сигареты смешивался с его дыханием, превращаясь в белое облако, которое ветер тут же раздирал в клочья.

Он почти не изменился за пять лет. Та же небритая челюсть — щетина седая, колючая, он не брился по утрам, потому что «всё равно до обеда обрасту». Та же сигарета в зубах — «Винстон», синий, она помнила этот запах. Та же кобура на поясе — кожаная, потёртая, с золотистой пряжкой. Разве что морщины вокруг глаз стали глубже — как трещины на старой карте, и взгляд тяжелее — пришлось повидать слишком много трупов.

— Соболева, — сказал он вместо приветствия. Голос у него был хриплым, прокуренным, но всё ещё тёплым, как старое одеяло. — Ты выглядишь так, будто тебя пропустили через мясорубку.

— А ты — так, будто в этой мясорубке застрял.

Он усмехнулся — криво, только правым уголком губ. Бро-

сил окурок в воду. Сигарета зашипела, выпустила маленькое облачко дыма и пошла ко дну.

— Тело нашли. Девушка. Ихтиолог. — Он достал из кармана мятую пачку, вытащил новую сигарету, прикурил. — Работала на крабовую корпорацию «Восток-Био». Слышала про такую?

— Кто не слышал. Кормит полгорода.

— Кормит. И убивает, похоже. — Глеб выпустил дым в небо. — Метод — пиздец какой-то.

— Конкретнее.

— Задушена. Но не руками, не верёвкой. Горло целое. Лёгкие заполнены пеплом. Вулканическим. — Он посмотрел на неё — долго, изучающе. — Я помню про твою сестру, Алёна. Поэтому и позвал.

Она кивнула. Ни слёз, ни вопросов «почему ты не сказал раньше». Работа.

Они пошли к машине — старой «Ниве» цвета мокрого асфальта, с потёртыми сиденьями и запахом бензина внутри. Глеб сел за руль, Алёна — на пассажирское. Двигатель завёлся с пол-оборота, но чихал, как старик с бронхитом.

Поехали.

Город проплывал за окном — серый, обшарпанный, но с намёком на новую жизнь.

Алёна смотрела на дома. Когда она приезжала сюда пять лет назад по другому делу, Петропавловск был депрессивным — панельные пятиэтажки с облупившейся краской, раз-

битые дороги, вечная пьянь у магазинов. Сейчас — новые вывески на Ленинской, отремонтированные фасады на Крашенинникова, даже какое-то техно-кафе открылось с подсветкой и диджеем по выходным. Крабовые деньги сделали своё дело. «Восток-Био» кормил полгорода — и город откармливался.

Но тени остались.

На остановках всё так же стояли женщины в старых пуховиках с отрешёнными лицами — телогрейки из девяностых, поношенные сапоги, авоськи с хлебом и дешёвой колбасой. У магазинов всё так же грелись мужики с алюминиевыми банками — те же лица, те же глаза, та же пустота. Камчатка не меняется. Она просто маскируется.

Глеб рассказывал подробности, не глядя на дорогу — он вёл уверенно, как человек, который знает каждую яму в асфальте.

— Аню Ковальчук нашёл утром сторож, дядька Вася, он там уже двадцать лет работает. Она работала в ночную смену, проверяла пробы воды в цеху, где разделявают рыбу. Сторож подумал, что она уснула — сидит на стуле, голова на грудь упала. Потом подошёл, потрогал — холодная. Не дышит.

— Камеры?

— Две сломаны. Третья записывала, но в пять утра кто-то вырубил электричество на полчаса. Ручной отключатель на щитке. Кто-то знал, где он находится и как работает.

— Профессионалы.

— Или свои. Аня работала там три года. Никто на неё не жаловалась. Тихая была, незаметная. Никто даже не знал, что она ихтиолог, а не просто лаборантка. — Глеб свернул на грунтовку. — Не вяжется с убийством, правда?

Алёна промолчала.

Глава 2. Девушка из лаборатории

Петропавловск-Камчатский, «Восток-Био». 12 ноября,
09:16

Цех разделки рыбы жил своей отдельной жизнью: гудели холодильники, по металлическим желобам текла мутная вода, люди в белых халатах двигались быстро и молча. Пахло кровью, солью, хлоркой и морем. Не тем морем, которое показывают туристам, а настоящим — с внутренностями, ржавчиной и усталостью.

Аню Ковальчук нашли в маленькой лаборатории за стеклянной перегородкой.

Комната была чистой, почти стерильной: белый кафель, стальные столы, шкаф с реактивами, микроскоп, ноутбук с погасшим экраном. На двери висела табличка «Посторонним вход запрещён». На полу — следы воды. Не крови. В этом и было страшное: смерть здесь пришла аккуратно, без брызг, без борьбы, как проверяющая комиссия.

Аня сидела на стуле. Голова опущена на грудь, пальцы сведены судорогой, губы приоткрыты. На коже лица — тонкий серый налёт, будто она слишком долго стояла на ветру во время пеплопада. Волосы собраны в хвост, резинка съехала набок. На столе перед ней лежал блокнот.

Алёна надела перчатки и открыла его.

Записи были обычные: температура воды, кислотность,

отклонение по пробам, номера контейнеров. Потом почерк становился крупнее, резче.

«17:40. Повторная проба из бассейна №3. Странный запах. Сладкий. Не рыба. Не реагент».

«19:10. У Кости из смены кровь из носа. Говорит, что видел мать в дверях. Мать умерла два года назад».

«22:03. В воде пепел. Откуда в морской воде пепел?»

Последняя строчка была продавлена так сильно, что бумага почти порвалась:

«Если меня найдут — это не авария».

Глеб стоял у двери. Курить в цеху было нельзя, поэтому он жевал никотиновую жвачку и выглядел так, будто ненавидит весь мир сразу.

— Камеры? — спросила Алёна.

— Две мёртвые, одна слепая, одна показывает пустой коридор. Электричество выключали на двадцать девять минут. Ручной щиток. Чужой туда не дойдёт.

— Значит, свой.

— Или тот, кто ходит здесь как свой.

Сторож Вася ждал в коридоре. Маленький, сухой, в ватнике, с красными от мороза руками. Он всё время снимал и надевал шапку, будто не мог решить, где приличнее — у трупа или у живых.

— Я её не трогал, — сказал он сразу. — Только плечо. Думал, уснула. Она иногда засыпала, бедная. Работала как лошадь.

— С кем конфликтовала?

— Да ни с кем. Тихая. Только последние дни боялась. Говорила: «Дядь Вась, если увидите женщину в белом халате — не пускайте». Я говорю: «У нас все в белом». А она: «Нет. Эта не отсюда».

Алёна подняла глаза.

— Женщина?

— Ну да. Высокая. Светлая. Красивая такая, как из телевизора. Один раз я её видел у ворот. Стояла и улыбалась. А пропуск у неё был чужой. Я спросил, куда. Она говорит: «К тем, кто уже дышит пеплом». Я подумал, сектантка.

— Почему не сообщил?

Сторож смял шапку.

— А кому? У нас тут половина начальства сектанты, другая половина — начальство.

Алёна почти улыбнулась. Почти.

Она вернулась к телу. Под воротником халата на коже Ани был маленький знак — тонкая линия, похожая на лилию или пламя. Не татуировка. Скорее ожог. Совсем свежий.

— Глеб.

Он подошёл, увидел знак и перестал жевать.

— У Веры такого не было, — сказал он.

— У Веры мы не всё успели увидеть.

Алёна сфотографировала ожог. В объективе знак казался живым: три лепестка, расходящиеся от одной точки. Жасмин. Или пепел, который притворяется цветком.

На выходе из цеха ей позвонил неизвестный номер.
— Соболева? — женский голос, низкий, спокойный.
— Кто это?
— Не нюхай то, что оставлено для мёртвых.
Связь оборвалась.

Алёна стояла у дверей цеха, и мороз не мог остудить то, что поднялось внутри. Дело Веры больше не было прошлым. Кто-то открыл его заново — специально для неё.

Глава 3. Костя, который видел мать

Петропавловск-Камчатский, общежитие «Восток-Био».

12 ноября, 13:20

Костю нашли не сразу.

Он жил в общежитии для сменщиков — длинном сером здании за бетонным забором, где на каждом этаже пахло лапшой быстрого приготовления, мокрыми носками и дешёвым табаком. Вахтёрша у входа сказала, что Костя «вчера после смены пришёл белый, как мой холодильник, и с тех пор не выходил».

Комната у него была на третьем этаже. Дверь открылась только после пятого стука.

Костя оказался парнем лет двадцати четырёх, худым, с подростковыми прыщами на скулах и красными глазами. Он стоял в футболке и спортивных штанах, босой, хотя в комнате было холодно. На столе — три пустые бутылки воды, пакет гречки, вскрытая упаковка успокоительных. На подоконнике — мокрая тряпка, которой он, видимо, закрывал щель в окне.

— Вы следователь? — спросил он.

— Консультант. Но если тебе легче, считай, что следователь.

— Я ничего не делал.

— Так говорят все. Иногда даже правду.

Он впустил её.

Алёна села на табурет. Глеб остался у двери, не заходя глубже. В комнате и без него было тесно: кровать, шкаф, стол, два пакета с вещами, электрический чайник на полу.

— Аня писала, что у тебя шла кровь из носа, — сказала Алёна.

Костя дёрнулся.

— У меня давление.

— Ты видел мать.

Он побледнел ещё сильнее.

— Она умерла два года назад, — продолжила Алёна. — А ты сказал Ане, что она стояла в дверях лаборатории.

Костя сел на кровать. Матрас скрипнул.

— Я не хотел ей говорить. Аня сама заметила, что я дрожу. Спросила, что случилось. Я сказал. Она испугалась больше, чем я.

— Расскажи.

Он долго молчал. Потом заговорил быстро, будто боялся, что если остановится, уже не сможет продолжить.

— Сначала запах. Не рыба. Не хлорка. Цветы. Сладкие. Слишком сладкие. У нас там всё воняет, понимаете? Рыба, кровь, лёд. А тут — цветы. Я подумал, кто-то духами облил халат. Потом услышал голос. Мамин. Она звала меня полным именем. «Константин». Никто меня так не называл, кроме неё. Я обернулся — она стоит у двери. В халате. Белом. Только волосы мокрые. Она умерла в больнице после

инсульта. У неё тогда тоже волосы были мокрые, медсестра голову мыла.

— И что она сказала?

Костя сглотнул.

— «Иди сюда. Здесь не больно». Я пошёл. Не знаю почему. Ноги сами. Потом Аня ударила меня по лицу. Сильно. Я очнулся уже на полу, кровь из носа, Аня орёт: «Не дыши! Не дыши, идиот!» Она закрыла мне рот мокрым полотенцем. Я думал, она сумасшедшая.

— А теперь?

— Теперь думаю, что она спасла мне жизнь.

Глеб у двери перестал жевать резинку.

— Ты видел женщину в белом халате?

— Видел. Но это была не мать. Понимаете? Сначала — мать. А потом лицо поплыло. Как картинка в плохом телевизоре. И на секунду я увидел другую. Высокую. Светлую. Глаза серые. Очень красивые. Страшно красивые.

Алёна показала ему фото Лидии Берг — старую, зернистую, вырезанную из лабораторного отчёта.

Костя посмотрел и отшатнулся так резко, что ударился затылком о стену.

— Она.

— Уверен?

— Я её не забуду. Она улыбалась, когда я падал.

Это был первый настоящий след. Не банка, не пепел, не символ. Человеческое лицо.

На выходе из общежития Глеб тихо сказал:

— Значит, Ледяная Дева ходит по цехам сама.

— Нет, — сказала Алёна. — Она посылает людей. Это хуже. Сущность можно не поймать. Человека можно.

Она достала телефон и написала Киму: «Найди всё про Л. С. Берг. Не красиво. Всё». Ответ пришёл почти сразу.

«Если я найду, тебе не понравится».

Алёна усмехнулась.

«Мне давно ничего не нравится».

Глава 4. Вера перед смертью

Москва, пять лет назад. 9 марта, 22:40

Вера не умела просить помощи.

Она могла ворваться в квартиру Алёны ночью, съесть последний йогурт, залезть в ванну с пеной и часами болтать о том, почему люди, которые носят бежевые пальто, скорее всего, несчастны. Но сказать «мне страшно» — не могла.

В тот вечер она пришла без звонка.

Алёна открыла дверь и сразу почувствовала жасмин. Вера стояла на площадке в сером свитере с оленями, мокрая от мартовского снега, с пакетом мандаринов в руке.

— Я принесла тебе витамин С, — сказала она. — Ты выглядишь как труп, которому не дали досмотреть сериал.

— А ты выглядишь как человек, который вляпался.

— Я всегда так выгляжу. Это часть шарма.

Они сидели на кухне. Алёна пила чай, Вера чистила мандарины и складывала кожуру в идеальную спираль. Так она делала в детстве: если спираль не рвалась, желание сбудется.

— Аля, — сказала Вера. — Если человек делает плохую вещь из хороших побуждений, он плохой?

— Он подозреваемый.

— Ты невозможная.

— Зато полезная.

Вера улыбнулась, но глаза остались серьёзными.

— Мы нашли штуку. Не наркотик. Не совсем лекарство. Она усиливает то, что человек прячет. Если человеку страшно — страх становится дверью. Если он хочет — желание становится приказом. Понимаешь?

— Нет.

— Я тоже сначала не понимала. Потом поняла и захотела не понимать обратно.

Алёна поставила кружку.

— Кто «мы»?

Вера покрутила мандарин в пальцах.

— У меня есть работа. На Дальнем Востоке. Частный проект.

— На кого?

— На одного корейца. Он не плохой.

— Так говорят про всех плохих мужчин, пока они не становятся делом.

— Он правда не плохой, Аля. Он просто богатый. Это другое заболевание.

Алёна хотела спросить больше, но Вера вдруг встала, подошла к окну и посмотрела вниз. Во дворе горел один фонарь. Под ним стояла чёрная машина. Алёна раньше её не замечала.

— Тебя пасут? — спросила она.

— Не знаю.

— Вера.

— Правда не знаю.

Впервые за вечер голос сестры дрогнул.

Алёна подошла, встала рядом. Машина не двигалась. Стёкла тёмные.

— Оставайся у меня.

— Не могу. Если останусь, они поймут, что я рассказала.

— Ты почти ничего не рассказала.

— Для них почти — уже много.

Вера взяла сумку. Перед уходом обняла Алёну так крепко, как не обнимала давно. Пахло жасмином, мокрой шерстью и мандаринами.

— Если со мной что-то случится, — сказала она, уткнувшись Алёне в плечо, — не становись ими.

— Кем?

— Теми, кто думает, что цель оправдывает химию.

Через шесть дней Алёна нашла её мёртвой.

Глава 5. Сёстры

Москва, шесть лет назад. Июль. 02:05

Вера умела появляться в самый неподходящий момент.

Алёна сидела на кухне после двенадцатичасового дежурства, ела холодные макароны прямо из кастрюли и читала протокол. За окном шумела летняя Москва — пьяная, липкая, светлая даже ночью. В раковине стояли три кружки. В холодильнике — пустота и лимон, который давно пора было выбросить.

Звонок в дверь прозвучал так, будто кто-то ударил по нерву.

Алёна открыла с пистолетом в руке.

На лестничной площадке стояла Вера. В коротком платье, босоножках в руке, с размазанной тушью под глазами и пакетом мандаринов.

— Я знаю, что июль, — сказала она. — Просто мне захотелось Нового года.

— Ты пьяная?

— Немного. Но культурно.

— Вера.

— Ладно, не культурно.

Алёна впустила её. Вера прошла на кухню, как домой, высыпала мандарины на стол и начала чистить один ногтями. Кожура рвалась плохо, сок брызгал на пальцы.

— Я рассталась с Максимом, — сказала она.

— С каким?

— С тем, который фотограф.

— Ты встречалась с фотографом?

— Неделю.

— Тогда это не расставание. Это возврат товара.

Вера засмеялась. И тут же заплакала. Без перехода, без предупреждения. Так умела только она: смеяться, пока слёзы уже текут.

Алёна села напротив.

— Что случилось на самом деле?

Вера помолчала. Почистила дольку мандарина от белых ниточек — тщательно, до прозрачности.

— Мне иногда кажется, что я вся состою из чужих желаний, — сказала она. — Мужчины смотрят и сразу решают, какая я. Лёгкая. Глупая. Удобная. Весёлая. А я потом начинаю быть такой, чтобы не разочаровывать. Это болезнь?

— Это привычка.

— Лечится?

— Плохо.

Вера улыбнулась сквозь слёзы.

— Ты всегда утешаешь как патологоанатом.

— Я следователь.

— Разница есть?

— Патологоанатомы хотя бы не делают вид, что спасают живых.

Они молчали. Ели мандарины. Кухня наполнилась запахом кожуры, сладким и резким. Алёна смотрела на сестру и думала: вот она, живая. Слишком живая. Из тех людей, которые входят в комнату и сразу меняют воздух.

— Аля, — сказала Вера тихо. — Если я когда-нибудь вляпаюсь во что-то страшное, ты меня вытащишь?

— Уже вляпалась?

— Нет. Просто спрашиваю.

— Вытащу.

— Даже если я буду виновата?

Алёна посмотрела на неё долго.

— Особенно если будешь виновата. Невинowych вытаскивать легче. С ними всё понятно.

Вера протянула ей мандариновую дольку.

— Ты ужасная.

— Зато своя.

— Да, — сказала Вера. — Своя.

Алёна потом много раз вспоминала эту ночь. Не потому что тогда случилось что-то важное. А потому что ничего не случилось. Две сестры сидели на маленькой кухне, ели мандарины в июле, спорили о мужчинах и не знали, что одна из них скоро найдёт пепел, а вторая — тело.

Самые страшные воспоминания часто выглядят счастливыми, пока не узнаешь, чем они закончились.

Глава 6. Карта Веры

Владивосток, яхт-клуб «Крабий трон». 12 ноября, 21:47

Мост через пролив Босфор Восточный светился огнями. Внизу темнела вода, и на ней дрожали отражения — длинные, жёлтые, ломаные. Алёна смотрела на них из окна такси и считала пролёты, пока не сбилась. Так было легче: считать огни, чем думать о мёртвой ихтиологе Ане Ковальчук, о пепле в лёгких и о том, что смерть снова пришла тем же способом, каким пять лет назад забрала Веру.

Яхт-клуб «Крабий трон» оказался построен так, будто владелец хотел доказать морю, что богаче его. Стекло, бетон, причал для белых яхт, охрана с пустыми глазами. На входе её попытались обыскать. Алёна сказала «нет». Охранник потянулся к рации, но лифт открылся раньше.

Ким Дон Ук вышел без пиджака, в белой рубашке с закатанными рукавами. Он был красив не мягкой красотой, а опасной: в лице не хватало лишнего, будто всё слабое с него срезали ножом. На запястье — дорогие часы. На пальцах — тонкие шрамы, которые не вяжутся с кабинетной жизнью.

— Мисс Соболева, — сказал он. — Вы всегда начинаете знакомство с отказа?

— Только когда меня встречают как подозреваемую.

— А вы не подозреваемая?

— Пока нет.

Уголок его губ едва заметно дрогнул. Он жестом отпустил охрану.

Пентхаус на верхнем этаже был слишком дорогим, чтобы быть уютным, но в нём обнаружили вещи, которые портили картинку: старая карта Камчатки на стене, фотографии в деревянных рамках, потрёпанный плед на кожаном диване. У камина стояла чашка с остывшим чаем. Значит, он ждал давно. Или делал вид, что ждал.

Алёна подошла к карте.

На ней фломастерами были обведены вулканы: Мутновский, Авачинский, Шивелуч, Ключевская Сопка. Рядом — пометки разным почерком. Мужской — крупный, уверенный. Женский — мелкий, нервный. Верин.

«Здесь пепел чистый». «Сернистый газ — не геройствуй». «Ким, носки, идиот».

Внизу, у края карты, было написано крупнее: «Аля, если ты это читаешь — не верь первому ответу».

Алёна провела пальцем по словам. Бумага была продавлена ручкой. Вера нажимала сильно, когда боялась.

— Она работала на вас, — сказала Алёна.

— Да.

— Спала с вами?

Ким не отвёл глаз.

— Да.

Ответ был слишком честным, чтобы в него сразу поверить. Алёна хотела ударить его. Не за секс. За то, что он жив,

стоит перед ней, пахнет дорогим деревом и дымом, а Вера лежит под землёй.

— И вы молчали пять лет.

— Пять лет я пытался понять, кому можно говорить. — Ким подошёл к сейфу, ввёл код. — Вера оставила мне не доказательства. Она оставила минное поле.

Сейф щёлкнул. Он достал чёрную флешку и старый телефон с треснувшим экраном.

— Это её?

— Да. Флешка зашифрована. Полностью я её не открыл. Только часть. Вера сказала: «Если придёт Алёна, отдашь ей. Если придёт кто-то ещё — уничтожишь».

— Удобно.

— Ненавидьте меня. Так вам будет проще.

— Не учите меня, что мне проще.

Он включил телефон. На экране появилась Вера: худее, чем в памяти Алёны, в сером свитере с оленями. Она сидела в этой же комнате, только диван был другим, и на стене не хватало фотографии корейской женщины.

«Аля, если ты это смотришь, значит, я не успела. Не мсти сразу. Это ловушка. Они хотят, чтобы ты пришла злая, с пи-столетом и без головы. Ты всегда такая: сначала кулак, потом мысль. Я люблю тебя за это и боюсь за это».

Вера выдохнула, потерла лицо.

«Проект называется „Пепел“. Не наркотик. Не яд. Ключ. Он открывает в человеке то, что уже есть: страх, желание,

подчинение, стыд. Через запах. Через дыхание. Через память. Если дозу поднять — лёгкие забиваются пеплом, и человек умирает без следов на шее. Если дозу снизить — он сделает то, чего сам не понимает. Я видела это. Я виновата, Аля. Я думала, мы лечим. А мы сделали поводок».

Видео дёрнулось, картинка осыпалась пикселями.

«Главное имя я не скажу. Не здесь. Не на телефоне. Смотри на номер. Четыре-ноль-семь. И не верь Киму до конца. Он хороший, но хорошие тоже предают, когда боятся».

Экран погас.

Алёна стояла не двигаясь. В комнате потрескивал камин. За стеклом дышал ночной Владивосток. Внутри неё что-то холодно и аккуратно отламывалось.

— Четыреста седьмой, — сказала она.

— Кабинет на Новом Арбате, — ответил Ким. — Следственный комитет. Но я не знаю, кто именно. Вера не успела расшифровать вторую часть флешки.

— Или вы не хотите говорить.

— Или я вру. Да. Этот вариант тоже держите в голове.

Он сказал это без обиды. Почти с уважением.

Алёна спрятала флешку во внутренний карман куртки.

— Почему Аня Ковальчук умерла сейчас?

— Потому что кто-то снова запустил формулу. Не мою. Моя лаборатория после смерти Веры закрыта. Официально.

— А неофициально?

Ким замолчал.

Вот оно, подумала Алёна. Первое настоящее молчание.

— Неофициально образцы исчезли, — сказал он наконец.

— Часть проб. Часть журналов. Один технолог. Чон Мин Хо. Я искал его пять лет.

— И не нашёл?

— Нашёл. Потом потерял. Потом понял, что его не прячут. Его берегут.

— Кто?

— Тот, кто сидит выше нас с вами.

Алёна подошла к двери.

— Я лечу в Москву.

— Одна вы не долетите до ответа.

— А с вами?

— Со мной у вас хотя бы будет шанс понять, где я вру.

Она посмотрела на него. Хотела сказать что-нибудь резкое, но вместо этого почувствовала запах — древесина, металл, дым. Не жасмин. Не смерть. Живой запах. Это злило сильнее всего.

— Билеты купите сами, господин Ким.

— У меня самолёт.

— Тогда не опаздывайте.

Она вышла, не оборачиваясь. В лифте достала телефон и набрала Глеба.

— У меня есть номер, — сказала она. — Четыреста седьмой.

В трубке стало тихо.

— Алёна, — сказал Глеб после паузы. — Не возвращайся в Москву.

— Поздно.

Глава 7. Кабинет 407

Москва, Новый Арбат. 13 ноября, 10:45

Здание Следственного комитета на Новом Арбате не выглядело как логово. В этом и была проблема. Логова в сказках стоят в лесу, пахнут серой и костями. Здесь пахло кофе из автомата, дешёвым тонером, мокрой шерстью пальто и страхом людей, которые привыкли говорить шёпотом.

Кабинет №407 находился в конце коридора. Латунная табличка блестела так, будто её протирали чаще, чем совесть хозяина.

«Генерал-лейтенант юстиции В. В. Кравцов».

Алёна остановилась перед дверью. Ким стоял рядом, но чуть позади. Правильно. Здесь она была у себя, даже если у неё уже отобрали почти все права.

— Не перебивай, — сказала она.

— Я умею молчать.

— Научись.

Она постучала.

— Войдите.

Кравцов оказался таким, каким бывают люди, пережившие слишком много чужих жизней и ни одной своей. Крупное лицо, зачёсанные назад седые волосы, тяжёлые веки. На столе — чай в серебряном подстаканнике, папки, фотография семьи: жена, взрослая дочь, внучка без двух передних

зубов.

Он поднял глаза и улыбнулся.

— Соболева. Мне говорили, вы упрямая. Не говорили, что настолько.

— Мне тоже многое не говорили.

— Например?

— Почему смерть моей сестры закрыли за две недели.

Улыбка не исчезла. Это насторожило больше, чем злость.

— Потому что экспертиза не подтвердила состав преступления.

— В лёгких Веры был пепел с Мутновского. Она никогда не была на Камчатке.

— Вы сами бывший следователь. Знаете: странность не равна убийству.

— А если странность повторилась?

Алёна положила на стол фотографию Ани Ковальчук. Кравцов даже не взял её. Только посмотрел.

— Молодая женщина. Жаль.

— Вы не спросили, кто она.

— Вы пришли ко мне не с неизвестным человеком. Вы пришли с обвинением. Это разные вещи.

Ким молчал у двери. Алёна чувствовала, как он смотрит на Кравцова: не как бизнесмен на чиновника, а как человек на дверь, за которой может стоять палач.

— Я хочу поднять старые материалы по смерти Веры Соболевой, — сказала Алёна. — Все пробы, все протоколы,

внутреннюю переписку. И доступ к делам, где фигурирует вулканический пепел.

Кравцов откинулся на спинку кресла.

— У вас нет полномочий.

— Зато у меня есть новое тело.

— На Камчатке?

— Да.

Он взял ручку, постучал колпачком по столу. Раз. Два. Три.

— Я дам вам доступ, — сказал он.

Алёна не сразу ответила.

— Так просто?

— Не просто. Удобно. Если вы правы, мы найдём убийцу. Если ошибаетесь, вы сами это увидите и перестанете таскать мёртвую сестру по кабинетам.

Она медленно наклонилась вперёд.

— Не произносите её так.

— Как?

— Как папку.

В комнате стало тихо. За окном гудел Новый Арбат, но сюда звук доходил приглушённым, как через вату.

Кравцов первым отвёл взгляд — к Киму.

— А вы, господин Ким, зачем здесь?

— Вера работала на мой проект.

— Печально. Частный бизнес любит играть в науку, а потом государство разгребает последствия.

— Государство часто приходит первым и уходит последним, — спокойно сказал Ким.

Кравцов усмехнулся.

— Восточная мудрость?

— Российский опыт.

Секретарь принесла папку. Кравцов поставил подпись на листе допуска. Движение было красивым, широким, уверенным. Как будто он не уступал, а дарил милость.

— Читайте архив, Соболева. Только помните: чем глубже лезешь в пепел, тем труднее потом дышать.

— Я уже задыхаюсь пять лет.

Она забрала лист и вышла.

В коридоре Ким молча нажал кнопку лифта.

— Он врёт, — сказал он.

— Все врут.

— Нет. Он врёт легко. Это хуже.

Лифт приехал. Двери открылись. В кабине стоял Глеб.

Он выглядел так, будто не спал трое суток: красные глаза, щетина, перекошенный галстук. Увидев Алёну, он не удивился. Увидев Кима — побледнел.

— Ты что здесь делаешь? — спросила Алёна.

— Хотел остановить тебя.

— Опоздал.

Глеб посмотрел на лист допуска в её руке.

— Тогда хотя бы не ходи в архив одна.

— Боишься за меня?

— Боюсь за всех, кто ещё дышит.

Он сказал это так, что Алёна впервые за день почувствовала: за номером 407 стоит не один человек. Стоит сеть. И она только что сама вошла внутрь.

Глава 8. Архив мёртвых проб

Москва, архив СК. 13 ноября, 14:20

Архив находился в подвале, и это было честно.

Верхние этажи Следственного комитета делали вид, что служат закону: флаги, таблички, портреты, коридоры с вежливыми секретарями. Подвал ничего не изображал. Там пахло сыростью, картоном, старым клеем и мышами. Там лежало всё, что наверху предпочитали забыть.

Сотрудница архива, женщина с короткими седыми волосами и глазами школьной учительницы, посмотрела на допуск Кравцова и сказала:

— Красивый автограф. Но красивый автограф не значит, что я вам всё отдам.

— А что значит? — спросила Алёна.

— Значит, что если завтра меня спросят, кто копался в старых трупах, я скажу: пришла одна бешеная и один слишком дорогой кореец.

— Отличное описание.

Женщина не улыбнулась.

— Меня зовут Мария Павловна. Если будете орать — выгоню. Если будете врать — тоже. Если будете аккуратно смотреть и ничего не воровать — получите чай.

Ким посмотрел на Алёну.

— У вас в стране архивариусы страшнее генералов.

— Генералы приходят и уходят, — сказала Мария Павловна. — А я здесь с девяносто восьмого.

Папка Веры была тонкой. Слишком тонкой для смерти, в которой пепел оказался в лёгких. Протокол, две фотографии, заключение, служебная записка о прекращении проверки. Ни исходных проб, ни полной токсикологии, ни видео с подъезда. Всё, что могло задавать вопросы, исчезло.

— Здесь нет приложения №3, — сказала Алёна.

Мария Павловна поставила перед ней стакан чая.

— Было.

— Где?

— Сгорело.

— В архиве?

— В машине эксперта. Через неделю после закрытия дела. Эксперт тоже сгорел. Пьяный, по версии проверки. Только он не пил. Вообще.

Ким перестал листать соседнюю папку.

— Имя?

— Романюк Илья Сергеевич. Судмедэксперт. Хороший был мальчик. Задавал вопросы. Это вредная привычка.

Алёна открыла следующую коробку. На ней было написано: «неустановленные аллергические реакции, 2017—2024». Внутри — три дела. Женщина из Хабаровска. Мужчина из Владивостока. Судья из Москвы. У всех — смерть без следов удушения, у всех — странный запах в помещении, у двух — следы серого порошка на одежде.

— Почему они не связаны? — спросила она.

— Потому что в одном деле «сердце», в другом «анафилактиксия», в третьем «несчастный случай». Разные регионы, разные ведомства. Пока кто-то не захочет увидеть узор — узора нет.

— А вы увидели.

— Я архивариус, деточка. Моя работа — видеть, какие папки боятся лежать рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.